

Кіевская Маса.

Пятница, 30 Іюля 1910 г.

№ 31.

Приложение къ № 208.

Изъ Поля Верленъ.

Утренняя звѣзда.

Еще сверкаютъ въ розовой дали
Моей звѣзды предутренніе взгляды.

Развѣту рады

Кричатъ на перебой въ лугахъ коростели.
Звѣзда зари! Пусть твой далекій взоръ
На мигъ съ мной трепещуще сольется!

Сейчасъ взвѣется

Веселый жавронокъ въ сіяющей просторъ!
Все ярче, ярче розовый востокъ!
Звѣзды нарядъ въ зарѣ могучей таетъ...

Уже играетъ

Во ржи предутренній, бодряцій вѣтерокъ.
Звѣзда! Послѣдній взглядъ свой сердцу
подари!

И сердце вдаль трепещуще умчется...

Ужъ серебрится

Роса, вся въ отблескахъ сіяющей зари!
Я вдаль умчусь, туда, гдѣ знойный сонъ
Желаньемъ тайнымъ грудь ея колыхаетъ...

Звѣзда не слышетъ...

Пылаетъ заревомъ багровый небосклонъ!

В. Гусевъ.

М. П. Садовскій
въ роли Тихона Кабанова „Гроза“.

(+) М. П. Садовскій,

Подъ сурдинку.

Бьетъ горячимъ ключемъ
Солнца кровь съ высоты.
Подъ прохладнымъ плющемъ—
Это—я! Это—ты!
Мы отдались во власть
Золотой тишины...
Мимолетная страсть!..
Лучезарные сны!..

— Вѣки чуть пріоткрой.
Нѣтъ, не такъ! Нѣтъ, чуть-чуть...
Кудри липкой волной
Разбросай мнѣ на грудь.
Ароматы цвѣтовъ
Влей въ желанья свои,
Страстью огненныхъ сновъ
До сыта напои!

Ночь идетъ—подойдетъ
Изъ-за темныхъ вѣтвей...

.....
Не о насъ-ли поетъ
Чародѣй соловей?!

В. Гусевъ.

Отбросы города.

(Изъ жизни безработныхъ).

Какъ ни головоломны нѣкоторые отвлеченные вопросы, что изсушаютъ мозги мудрыхъ философовъ, но не думаю, чтобы великіе люди могли испытать такія острые муки неудовлетворенности, какія испытывали мы, при рѣшеніи столь простой и ясной задачи: какъ промыслить пропитаніе?

Каждое утро, просыпаясь отъ сна, мы задумывались надъ рѣшеніемъ столь простой задачи и, несмотря на самое ликующее сіяніе восходящаго солнца, впадали въ мрачнѣйшее настроеніе. А голодные желудки упрямо и настойчиво требовали рѣшенія, и не чувствовать ихъ требованій, было немислимо. Иногда наша задача казалась намъ глупой, странной и смѣшной: въ такомъ огромномъ, торгово-промышленномъ городѣ, гдѣ всѣ улицы кричатъ золотомъ вывѣсокъ о довольствѣ и богатствѣ челоука, гдѣ вездѣ и всюду слышенъ гулъ трудового грохота и шума, гдѣ встрѣчаются столь ожирѣвшіе отъ сытности люди, что не въ состояніи ходить,—и въ этомъ городѣ мучиться надъ рѣшеніемъ такой простѣйшей задачи, какъ промыслить пропитаніе?

Да, было странно и смѣшно, но все же мы мучались. Насъ было четверо. Всѣ мы были сравнительно молоды и здоровы. Мы были совершенно чужіе другъ другу

Гг. Макшеевъ, Гецманъ и Садовскій
„Плоды просвѣщенія“.

и сошлись не благодаря родству натуръ, или взаимности влеченій, а единственно только потому, что у всѣхъ насъ были одни и тѣ же враги: голодная нужда и страхъ одиночества. Трое изъ насъ были крестьяне изъ самой коренной подмосковной Россіи, четвертый — бывшій сельскій учитель.

У всѣхъ у насъ были, разумѣется, имена и фамиліи, но никто изъ насъ не зналъ, какъ кого правильно зовутъ. Учителя звали всѣ „Химикомъ“, меня, пишущаго эти записки, величали „Тютей“, третьяго звали „Шалымъ“ и четвертаго „Тананой“. Химикомъ называли учителя, вѣроятно, потому, что онъ иногда, дѣйствительно, занимался чѣмъ-то родственнымъ химіи: могъ составлять клей для скрѣпленія разбитой посуды, для починки резиновыхъ предметовъ; могъ варить всевозможныхъ цвѣтовъ краски и чернила, но, очевидно, всѣ его химическія знанія въ прикладномъ отношеніи были такъ же безцѣпны, какъ наши понятія о китайской вечернѣ;—надъ рѣшеніемъ простой задачи, какъ промыслить пропитаніе, онъ мучился такъ же, какъ и мы, не вкусившіе великой премудрости химической варки клея и красокъ.

Химикъ, судя по внѣшности, былъ всѣхъ старше годами, на вискахъ его уже пробивалась сѣдина, но былъ-ли онъ женатъ и имѣлъ-ли родственниковъ, объ этомъ изъ насъ никто не зналъ; онъ о своемъ прошломъ и о себѣ лично никогда не объяснялся. Человѣкъ онъ былъ религиозный и слѣпо вѣрящій въ торжество справедливости.

Вѣрилъ онъ искренно, горячо и въ разговорахъ всегда старался проводить мысль о томъ, что справедливость, рано или поздно, а все-таки восторжествуетъ надъ зломъ.

„Зло низвергнется съ земли такъ же, какъ нѣкогда былъ низвергнутъ сатана съ небесъ“! — торжественно заключалъ онъ свои разсужденія на эту тему.

— А занятно бы узнать, какъ это оно низвергнется и куда?—иронически замѣтить бывало Шалый.

Шалый былъ полнѣйшая противоположность Химика.

Средняго роста, широкоплечій, съ большой курчавой головой, съ крупными неправильными чертами лица, этотъ человекъ своею звѣриной внѣшностью долгое время вызывалъ во мнѣ чувство слѣпой боязни. Боялся я его особенно тогда,

(†) ген.-отъ-кав. А. А. Кирѣевъ,
писатель славянофиль.

когда онъ вступалъ съ кѣмъ-либо въ споры; голосъ грубый, рѣчь твердая и упрямая, выраженіе лица свирѣпо-озлобленное; говорилъ онъ громко, обрывисто и всегда такъ энергично жестикулировалъ, что казалось, вотъ, вотъ начнетъ избивать собесѣдника.

Но въ разговоры и споры онъ вступалъ рѣдко и только благодаря вліянію „слезъ Рахили“, какъ называлъ онъ водку. Трезвый же былъ молчаливъ и хмуръ,

какъ осенній вечеръ. По профессіи Шалый былъ пробойщикъ, но такъ какъ ремонтъ баржъ и берлинъ совершался только весной, а деревянныхъ построекъ въ городѣ почти не строили, то и колопатное его искусство на дѣлѣ примѣнялось рѣдко. Человѣкъ онъ былъ грамотный, но до чтенія не охотникъ.

— Читать, братцы, я люблю только одну вывѣску: „казенная винная лавка“—коротко, ясно и справедливо. А всѣ эти ваши книги—одна прокламація, и польза отъ нихъ только тому, кто охотникъ чужими руками жаръ загребать...

— А евангеліе?—спросилъ Химикъ.

— Ну, та книга не отъ людей, а отъ Бога, а потому и жили по ней только святые апостолы...

— Напрасно, Шалый...—вступается Танана.—А мы развѣ не по евангелію живемъ: сокровищъ не собираемъ, пріюта и пристанища не имѣемъ, живемъ, какъ птицы небесныя, т. е. въ точности, какъ сказано въ евангеліи.

Танана былъ по натурѣ человекъ крайне беззаботный и веселаго нрава. Тоска, уныніе и отчаяніе ему, казалось, были совершенно незнакомы. Даже во времена самыхъ продолжительныхъ голодовокъ, онъ находилъ возможность хохотать и смѣяться надъ нашими скорбями и бѣдами. Во всякой неудачѣ онъ всегда находилъ смѣшную сторону и, казалось, не только не унывалъ, но радовался, что случилось хуже, а не лучше. Грустнымъ, опечаленнымъ и задумчивымъ я его положительно не наблюдалъ ни въ какихъ случаяхъ. Свое безпріютное и голодное существованіе онъ находилъ самымъ превосходнымъ въ мірѣ.

— Ну, чего вы скулите, мякинные ваши мозги, тряпичныя головы...—начинаетъ бывало тунить Танана, надъ нашими грустными настроеніями.—Домъ у насъ съ вами просторный, свѣтлый и красивый, крыша голубая, съ разводами. Освѣщенія т. е. лучшаго желать нельзя... Обстановка, куда ни взгляни—одно удовольствіе: зелень, цвѣты, вода, луга, горы, доли... И все кругомъ насъ звенитъ, поетъ и ли-

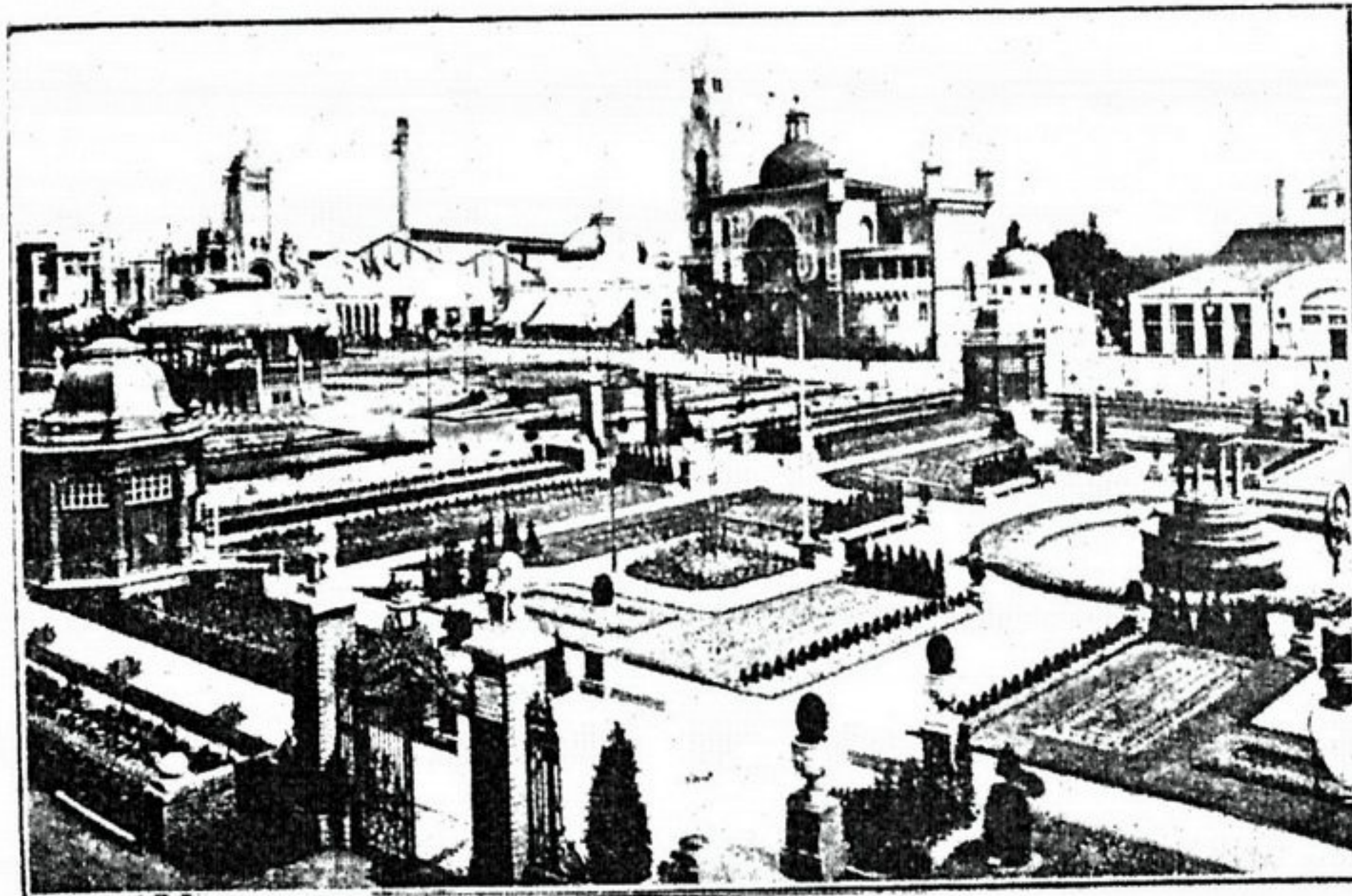

3-й Всероссийскій съѣздъ хорovýchъ дѣятелей въ Москвѣ.

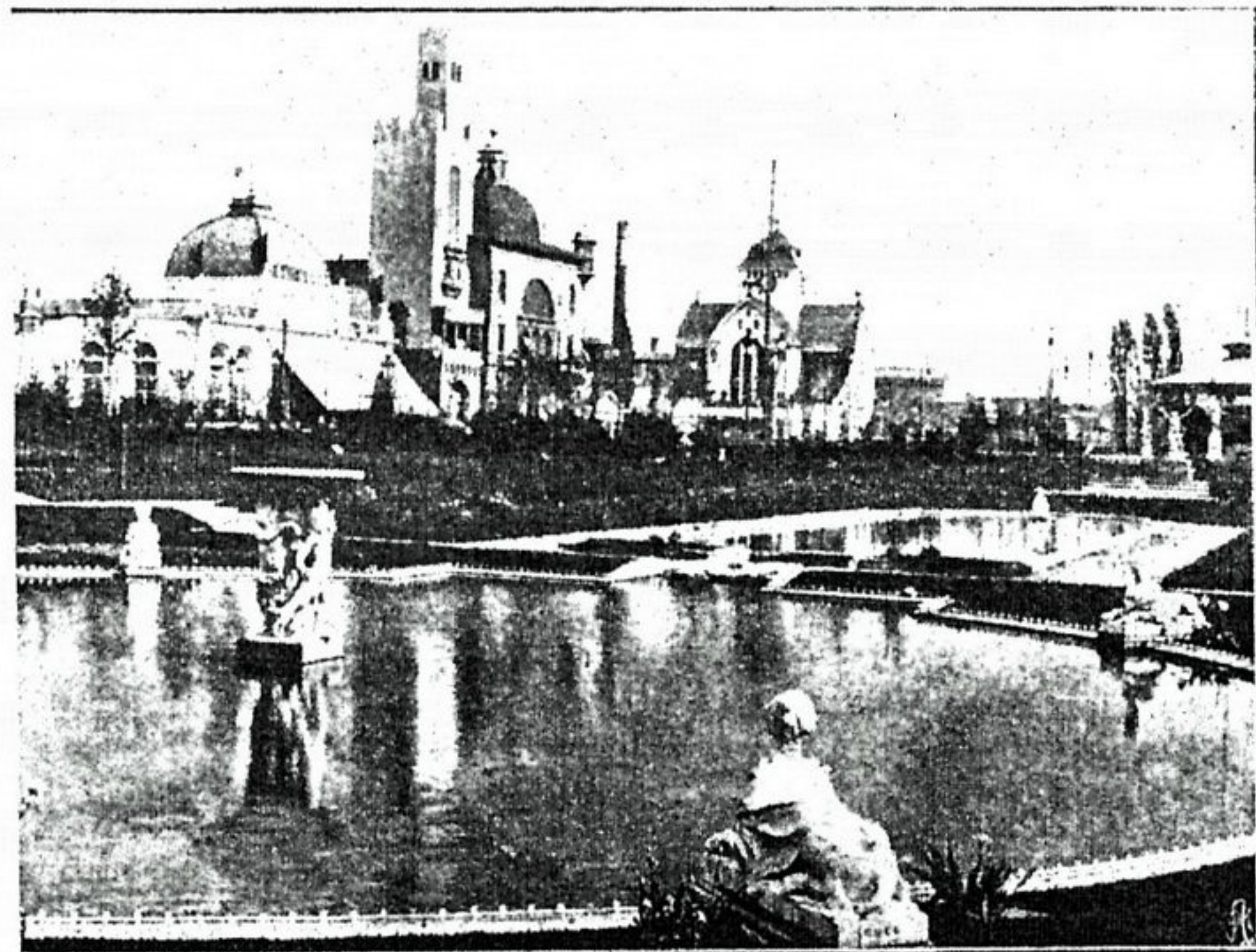

(†) Драматургъ В. В. Туношенскій.

ВЫСТАВКА ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Павильонъ княжества Монако.

Французскій отдѣлъ садоводства.

куетъ отъ великой радости, что такъ хорошъ и прекрасенъ домъ нашъ, а вы скулите, черти вы осиновые, дуботолы безглазые, свиныи недовольныя...—ругалъ насъ Танана во время нашего отчаянія надъ рѣшеніемъ простой задачи, какъ промыслить пропитаніе.

Тютей меня прозвали, очевидно, за мою безхарактерность и трусливость. Я былъ всѣхъ моложе, но всѣхъ слабѣе и неспособнѣе въ отношеніи рѣшенія нашей общей задачи, какъ промыслить пропитаніе. Химикъ могъ временами заработать въ почтовой конторѣ, помогая неграмотному люду писать письма на родину, или составляя прошенія, иногда чуть-ли не самому его превосходительству... Клей и краски, видимо, были его безкорыстно-любительскими занятіями.

Шалый, благодаря своей физической силѣ, могъ иногда зарабатывать на выгрузкѣ тяжестей.

Танана, при случаѣ, былъ способенъ украсть, не отягчая совѣсти угрызениями раскаянія, такъ какъ все видимое въ семь мѣрѣ, т. е. въ его собственномъ домѣ, онъ находилъ принадлежащимъ ему, по праву прямого наследованія. И въ случаяхъ, когда его ловили и избивали, онъ только недоумѣвалъ и удивлялся: до чего люди глупы и невѣжественны, что не могутъ понимать своего святого права.

Я же былъ положительно неспособенъ ни украсть, ни написать его превосходительству, ни выгрузать, никакія тяжести. У меня была единственная способность—ловить удочкой рыбу въ рѣкѣ. И, можетъ быть, только благодаря этой моей способности, меня не выкидывали изъ компаніи. Жили мы большую часть года на далекой окраинѣ города надъ рѣкой, гдѣ у насъ была вырыта надъ обрывомъ берега землянка, въ которой имѣлись у каждого свой отдѣльный залъ, или „апартаментъ“, какъ называлъ Танана. Самое глубокое, какъ болѣе защищенное отъ вѣтра и дождя, мѣсто, занималъ Химикъ, потому что при немъ всегда находились различные химическіе составы его клеевъ и красокъ, которые могли пострадать отъ сырости. Къ стѣнѣ, направо, помѣщался Шалый, у самаго же выхода налѣво—я и Танана.

Обрывки роговъ, солома и сѣно замѣняли намъ кровати и матрацы, и всю прочую мебель. Огромный желѣзный котелокъ служилъ намъ для варки и для жаренья. Въ немъ же мы кипятили иногда и чай. Хотя большей частью вмѣсто чаю заваривали цикорій, копеечной палочки котораго намъ хватало больше, чѣмъ на недѣлю. День нашъ начинался такъ: первымъ всегда просыпался Химикъ и будилъ Шалого. Шалый—Танану. Танана—меня. Если со вчерашняго дня оставался хлѣбъ, я и

Танана отправлялись собирать по берегу валежникъ; Шалый разводилъ костеръ и, скипятивъ чай, мы завтракали. Если же хлѣба не было, чай не кипятился и всѣ, за исключеніемъ меня, уходили въ городъ.

— Смотри, Тютя, чтобы къ вечеру были бобыри на уху...—мягко наказывалъ Химикъ.

— Да и ершиковъ постарайся натаскать...—бурчалъ Шалый...

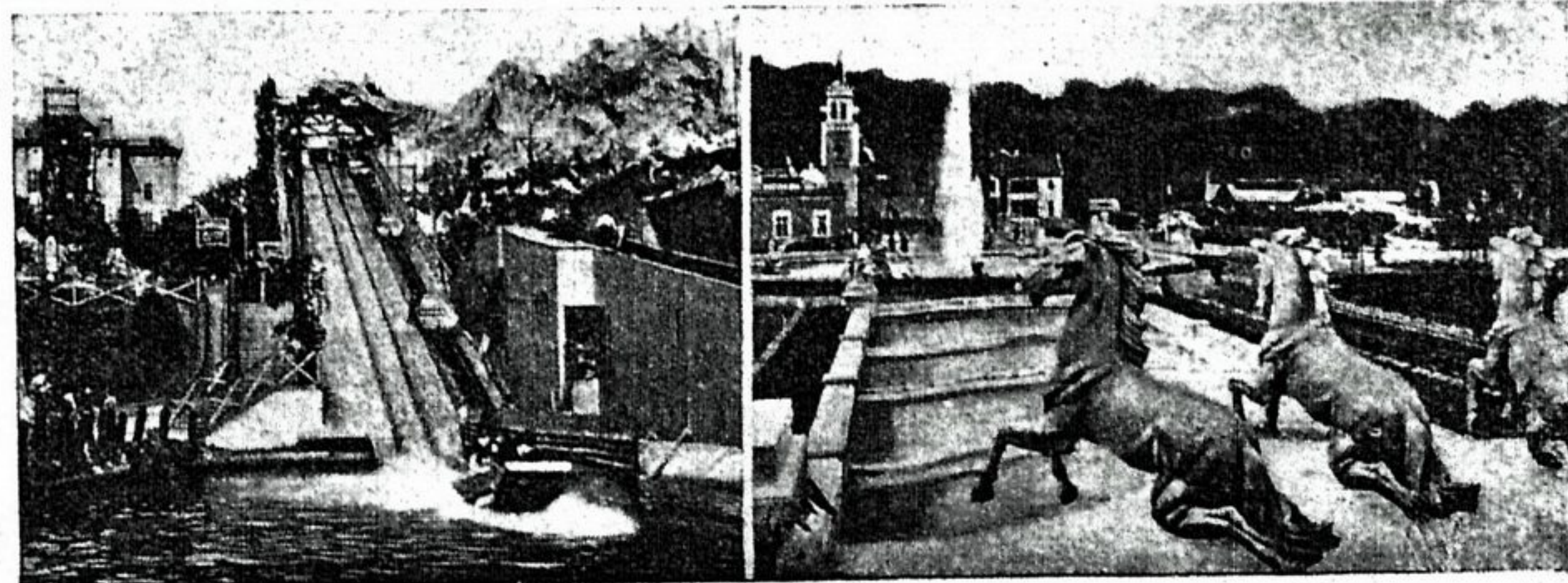
— Налови, Тютя, лягушекъ, по десятку на брата, а рыбу припрядь—на табакъ промѣняемъ...—наставлялъ Танана.

И я оставался одинъ.

Если утро было тихое, я вытаскивалъ изъ лозняка запрятанное удилице, вырывалъ изъ песка червей и отправлялся на излюбленное мѣсто удить.

Первыя вытасканныя рыбешки шли мнѣ на завтракъ; я ихъ запекалъ въ нечищенномъ видѣ и грызъ вмѣстѣ съ костями, воображая, что я пережевываю не рыбу, а ржаныя корки. Утоливъ болевья ощущенія голоднаго желудка, я начиналъ вообразать себя настоящимъ рыболовомъ. Наживлялъ, не торопясь, закидывалъ, не спѣша, и выжидалъ клева сознательно-спокойно.

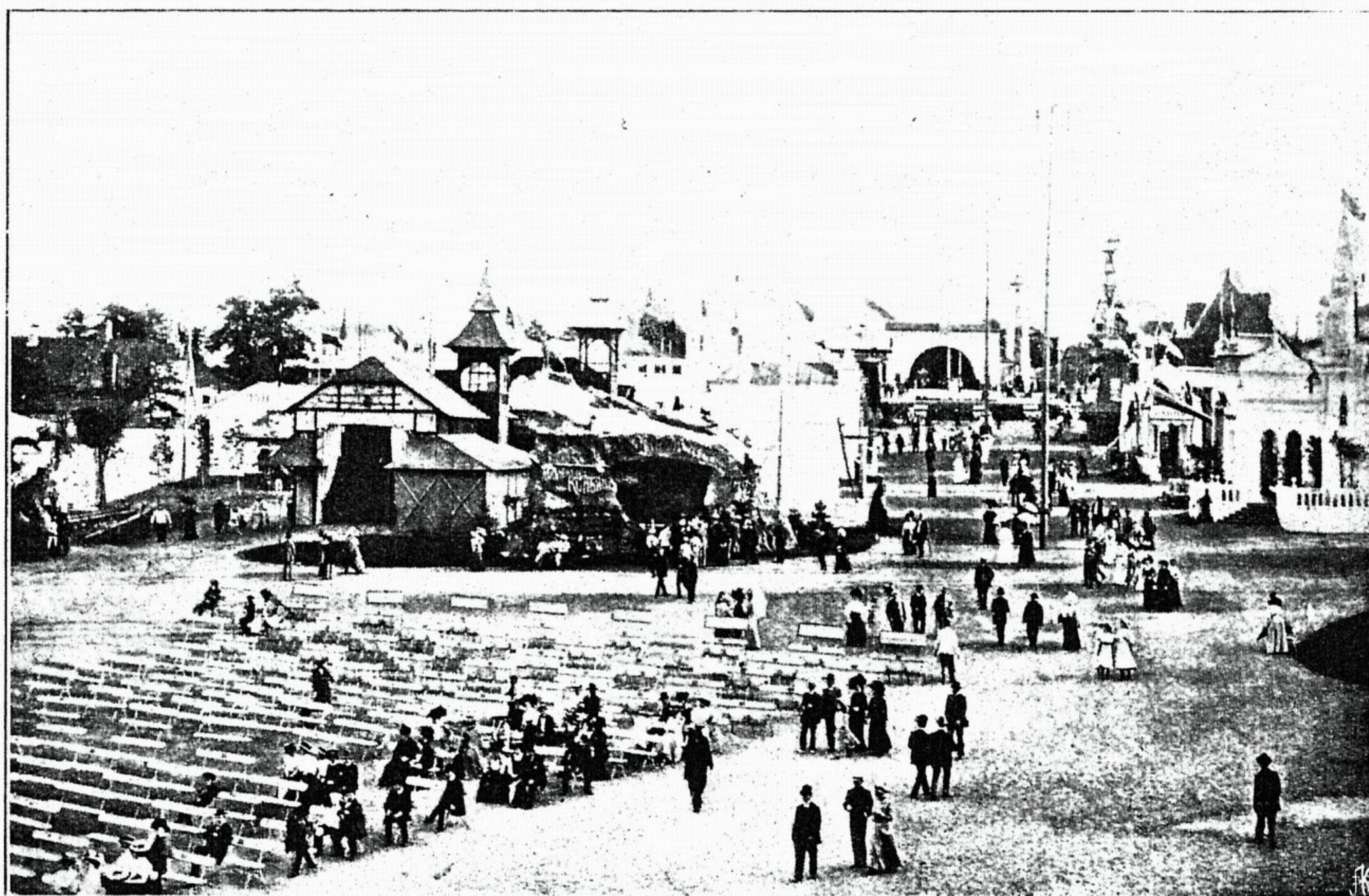
Надо мной голубѣла ясная даль лазури. Вокругъ меня кротко шептались зеленые кусты лозняка. Мелодичный звонъ и свистъ птицъ, стрекотанье кузнечиковъ

„Брюссельскія горы“.

Видъ съ большой террасы.

ОДЕССКАЯ ВЫСТАВКА.

Общая панорама выставки.

Похороны А. И. Куинджи въ Петербургѣ.

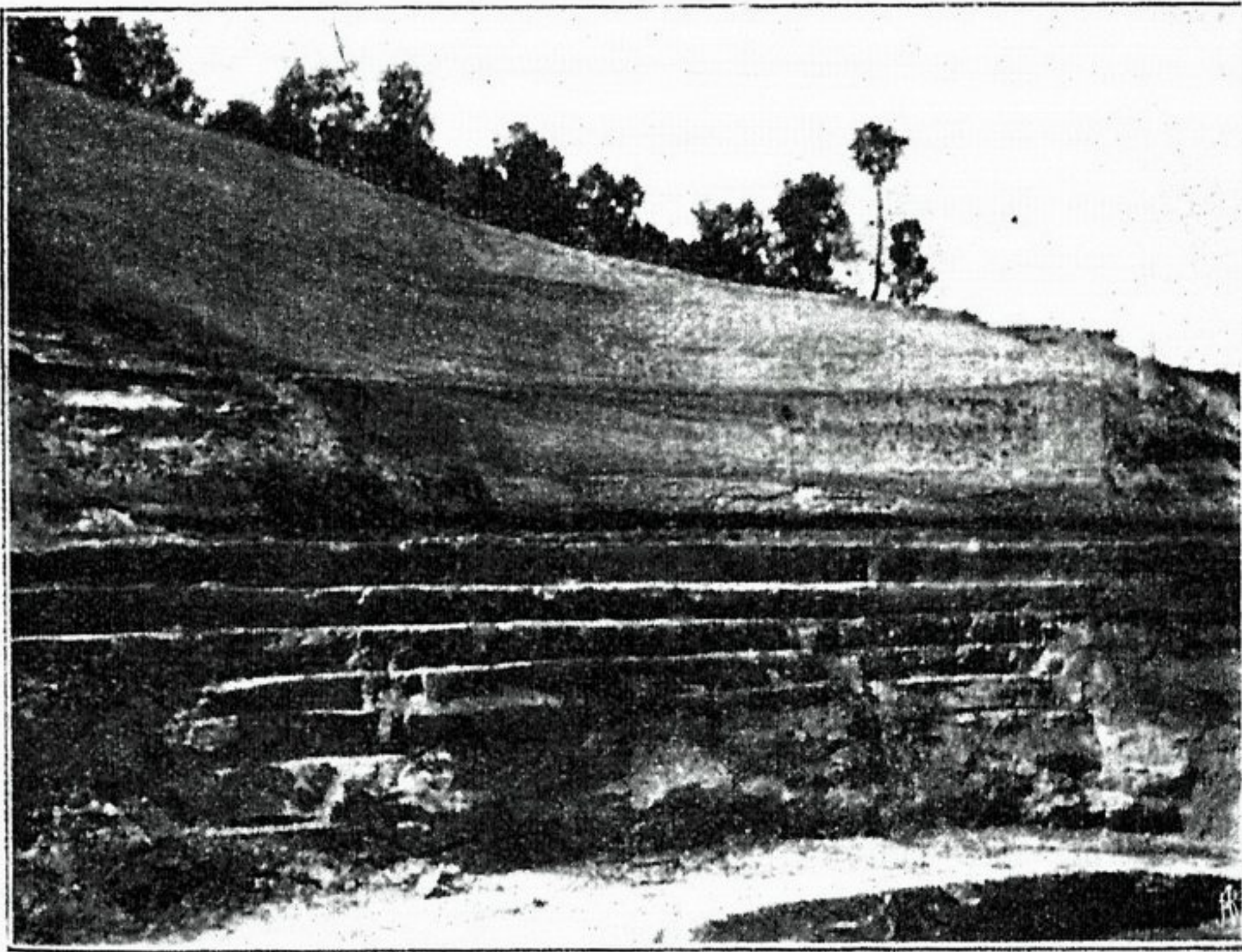

Бывшіе ученики художника несутъ гробъ мимо Академіи Художествъ.

А. И. Куинджи и Д. И. Менделѣевъ за шахматами.

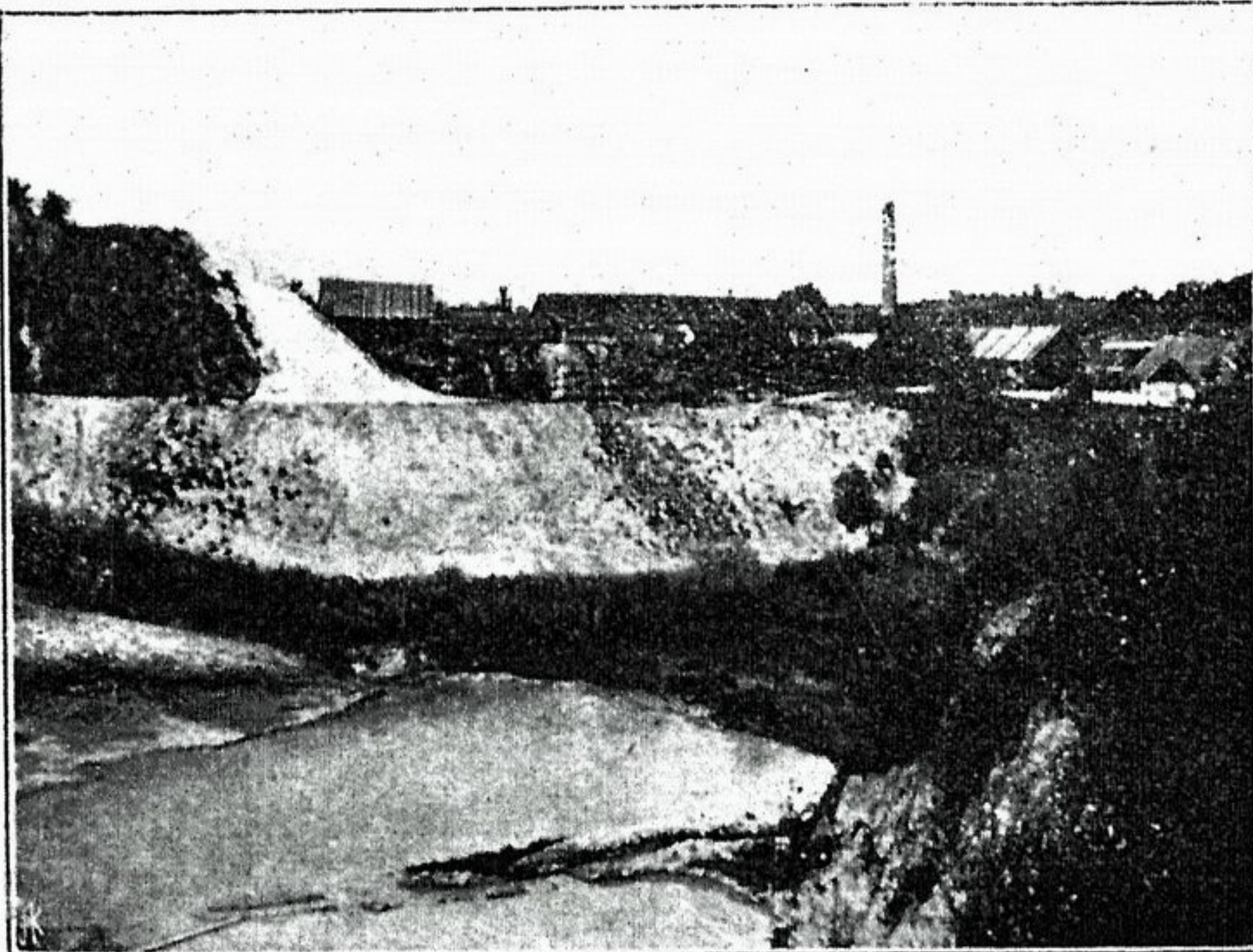
КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ КІЕВСКАГО РАЙОНА.

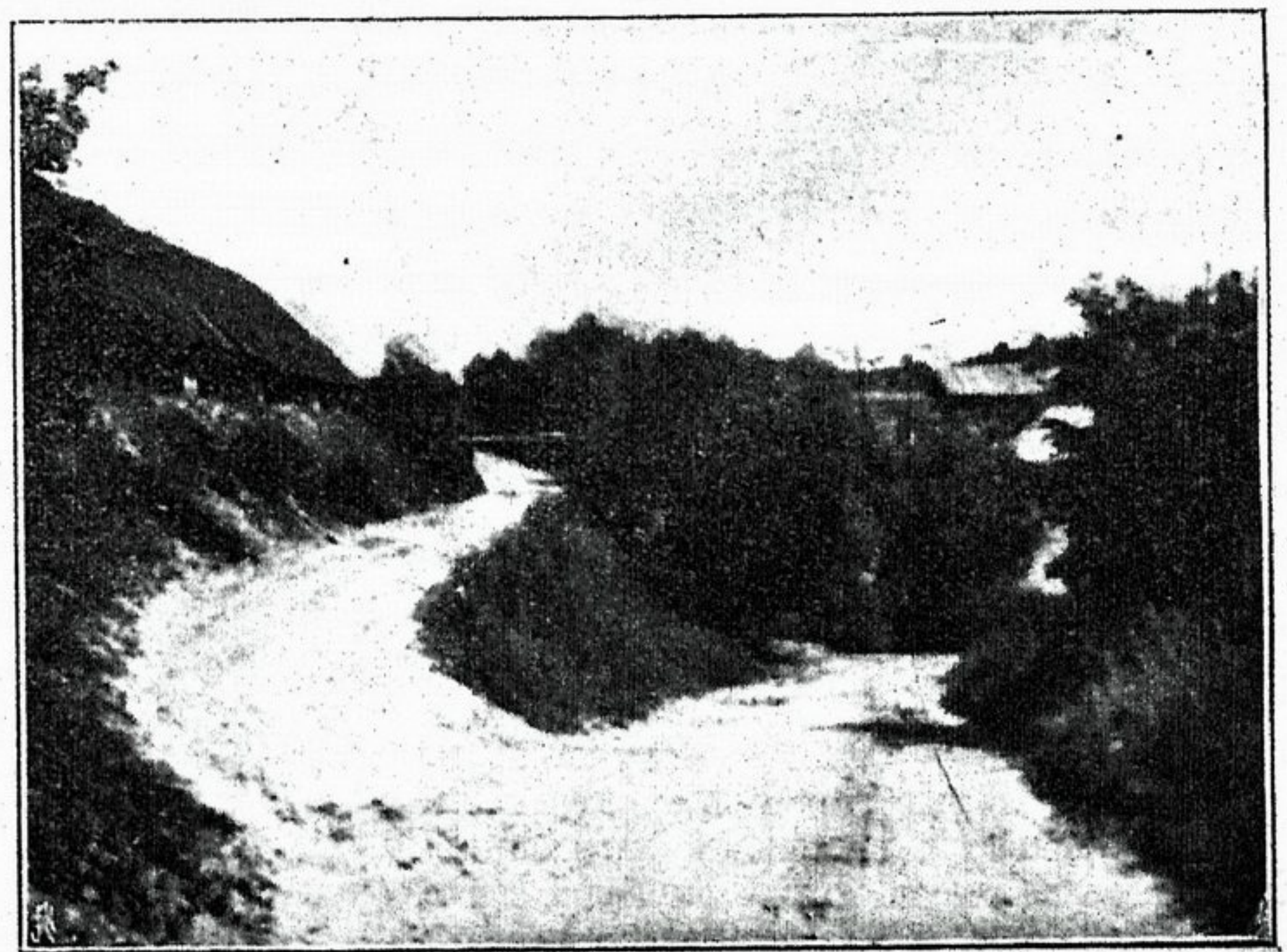
Видъ на разработокъ кирпичной глины.

Сушка кирпича на открытомъ воздухѣ.

Видъ карьера для добычи бѣлаго песка.

Дорога къ глинищу.

Отчетъ передъ избирателями.

Прочная работа.

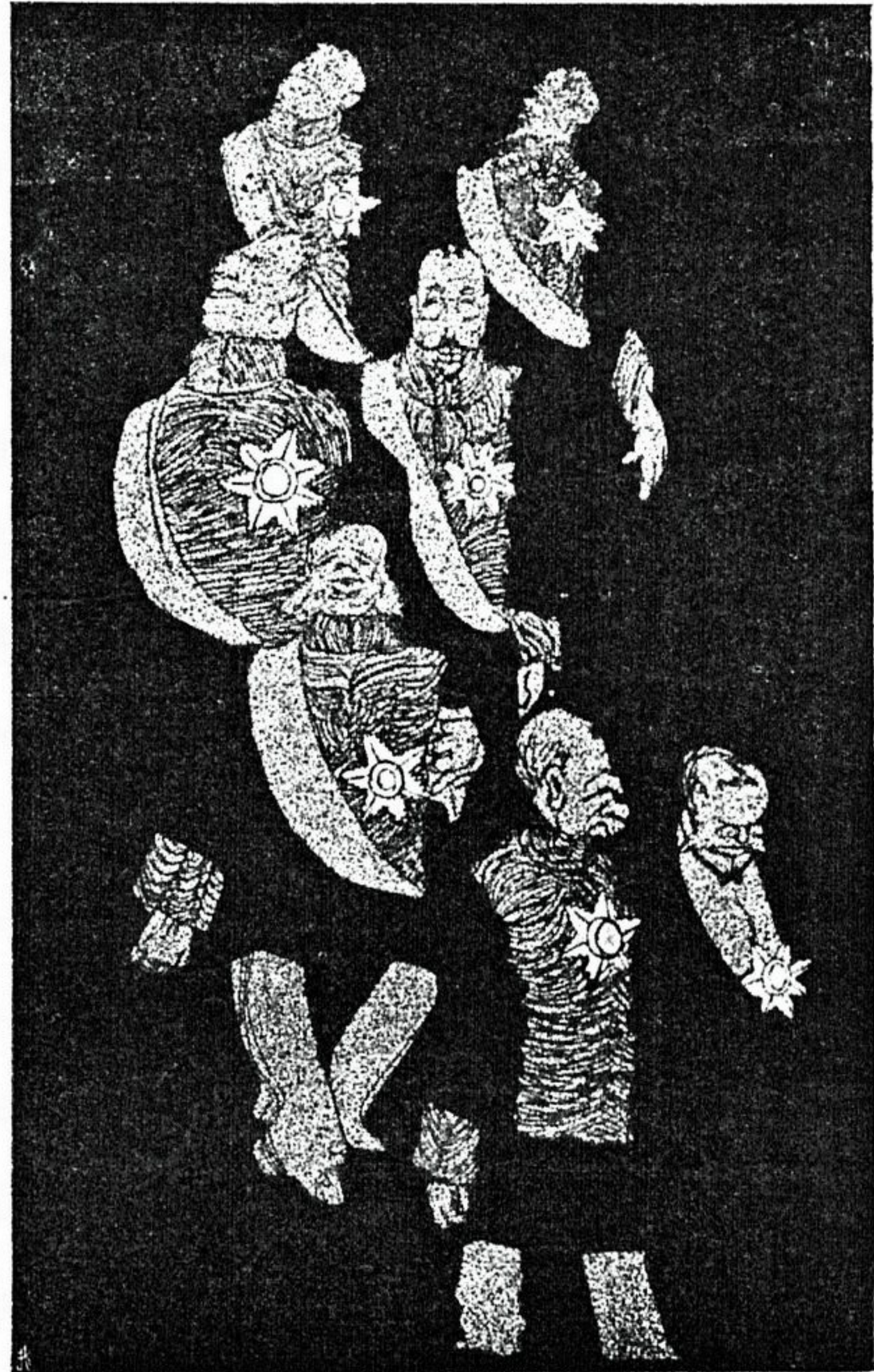
Правый депутатъ.—Милостивые Государди! Вы видите передъ собой карту... Это Россія! Чтобы инородцы не растащили ее по частямъ, мы дѣятельно позаботились объ ея укрѣпленіи...

(„Сатур.“)

пелось отовсюду. Зеркальная гладь водной поверхности сверкала серебромъ и золотомъ и я, если бывалъ сытъ, любовался и чувствовалъ себя такъ, какъ ни одинъ китайскій императоръ. Душа моя выпрямлялась, чувства мякли, мысли прояснялись, и все существо обрѣтало такое приятно-покойное и радостно-теплое настроеніе, словно я не взрослый, а ребенокъ и не на берегу рѣки, а на рукахъ любимой матери, и надо мной голубѣетъ не небо, а ея ласковые, привѣтливо-милые глаза...

Но такія блаженныя настроенія переживались рѣдко, ибо они зависѣли отъ настроенія моего желудка, послѣдній же—отъ хлѣба, а хлѣбъ...

О, Всеправый Боже! Зачѣмъ хлѣбъ не радость, а проклетіе?! Когда уженье мое было удачнымъ; на кунапѣ плавало нѣсколько десятковъ мелкой рыбки, тогда я начиналъ мечтать объ удачѣ ушедшихъ въ городъ товарищей.

„Чѣмъ, ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“. („Кр. Зер.“)

Хорошо, если бы Шалый угодилъ на работу, а Химку посчастливилось бы написать его превосходительству или хотя бы какому высокородію, а Тананѣ удалось бы чего-либо слимонить безъ побоевъ, и всѣ бы они пришли веселые, съ хлѣбомъ, съ саломъ, съ чаемъ, съ сахаромъ, съ крупами и съ деньгами, а я бы ихъ встрѣтилъ съ рыбой... Вотъ была бы радость!.. Иногда въ своихъ мечтаньяхъ надъ рѣкой, я доходилъ до того, что начиналъ воображать ихъ пришедшими, ви-

дѣть ихъ взгляды, слышать голоса и даже чувствовать запахъ принесеннаго ими хлѣба. Но отрадно было только мечтать. Дѣйствительность же была жестоко зла. Товарищи, въ большинствѣ случаевъ, приходили измученными, озлобленными и съ очень незначительною добычей хлѣба.

В. Поступаевъ.

(Продолженіе будетъ).

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО и СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНЕНІЕ.
(По графу Бобринскому).

Рис. П. Н.

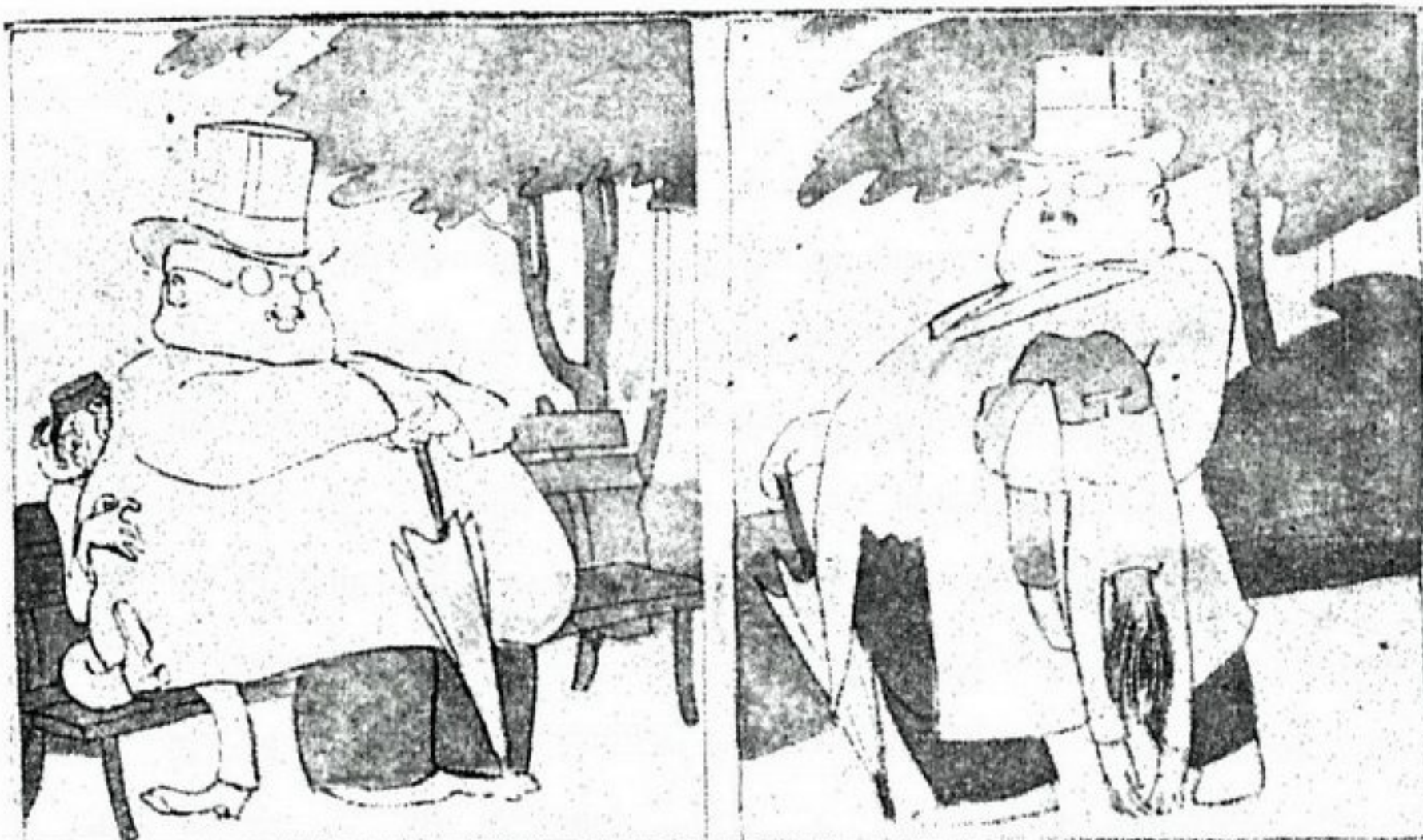

Гр. Бобринскій:—О, братъ мой по крови! Пойдемъ рука-объ-руку по одной дорогѣ къ свѣтлому будущему!..

Они идутъ рука-объ-руку по одной дорогѣ къ свѣтлому будущему!..

Способъ „оздоровленія“ Москвы академика Соболевскаго.

Но, идя по одной дорогѣ, они устали. — Отдохнемъ, братъ мой по крови, — предложилъ Бобринскій. — Сядемъ рядышкомъ. — Сѣли!..

И снова идетъ графъ Бобринскій по дорогѣ къ свѣтлому будущему!!!

(„Сатир.“).

Лѣсныя дачи.

Рис. А. Б.

Вчера—дождь, сегодня—дождь, завтра....

Современныя фавны и нимфы.

(„Jugend“).

ПЕРЕЖИВАНИЕ СКЕЛЕТА ВЪ МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРШИ.

1.

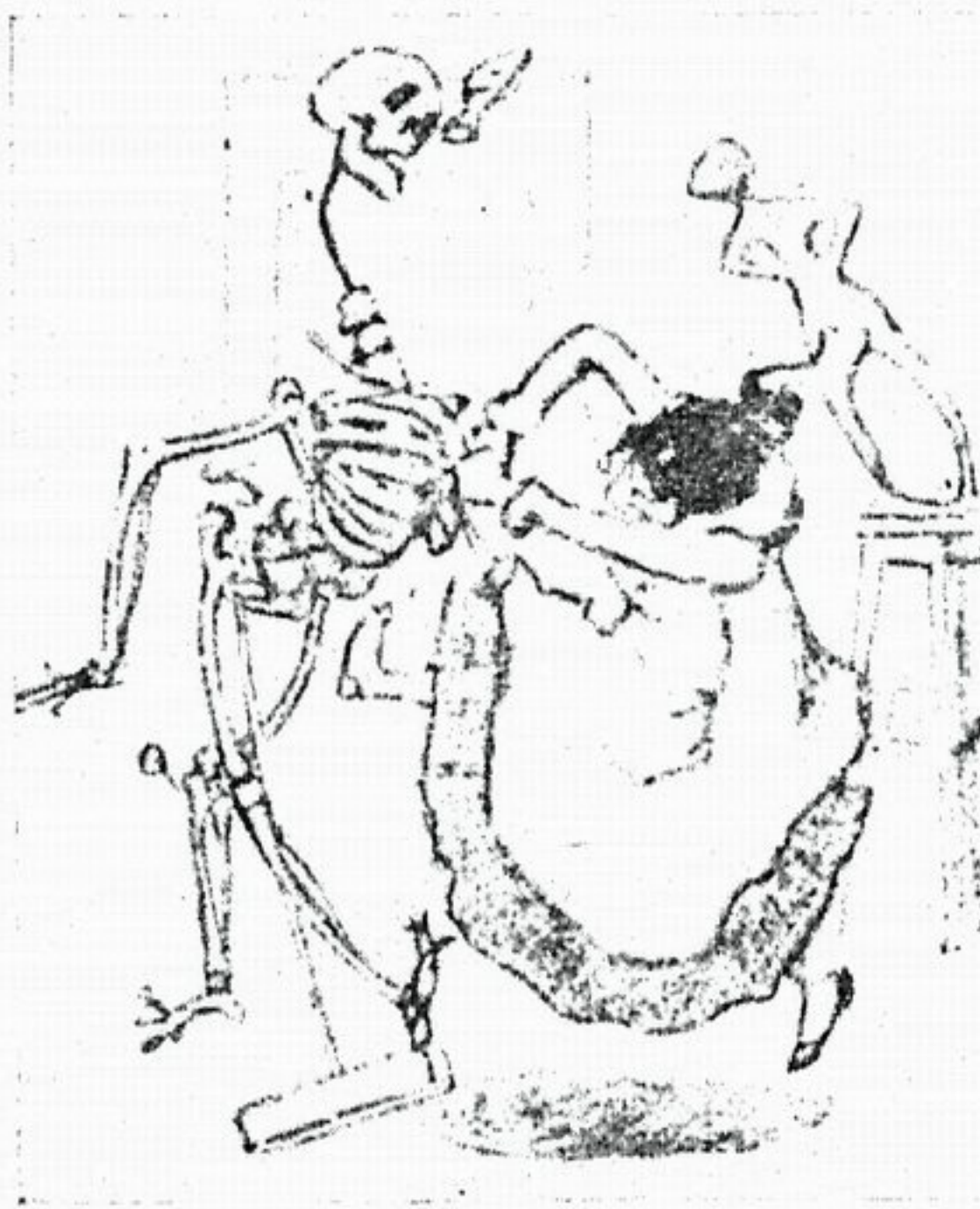
2.

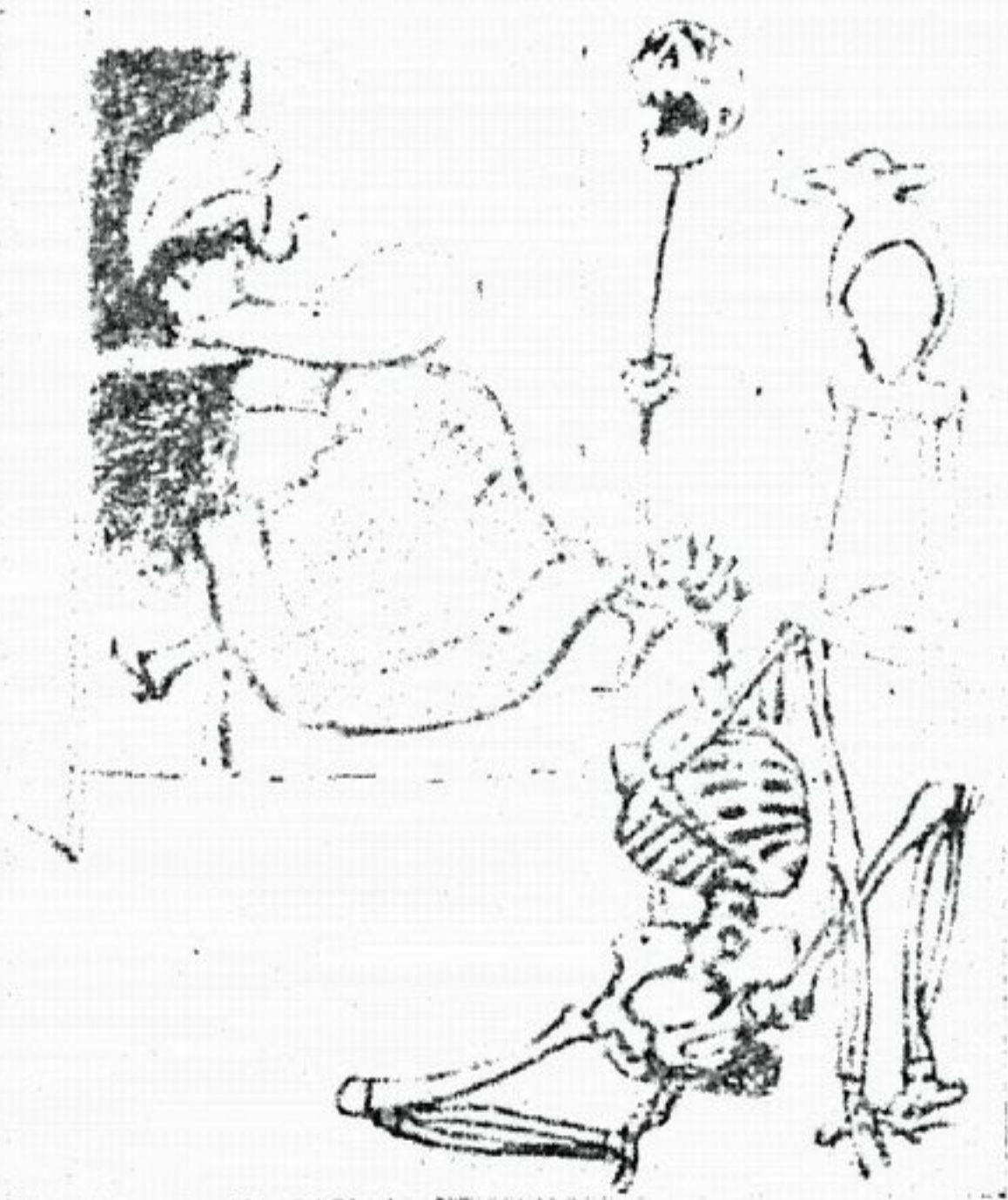
3.

4.

5.

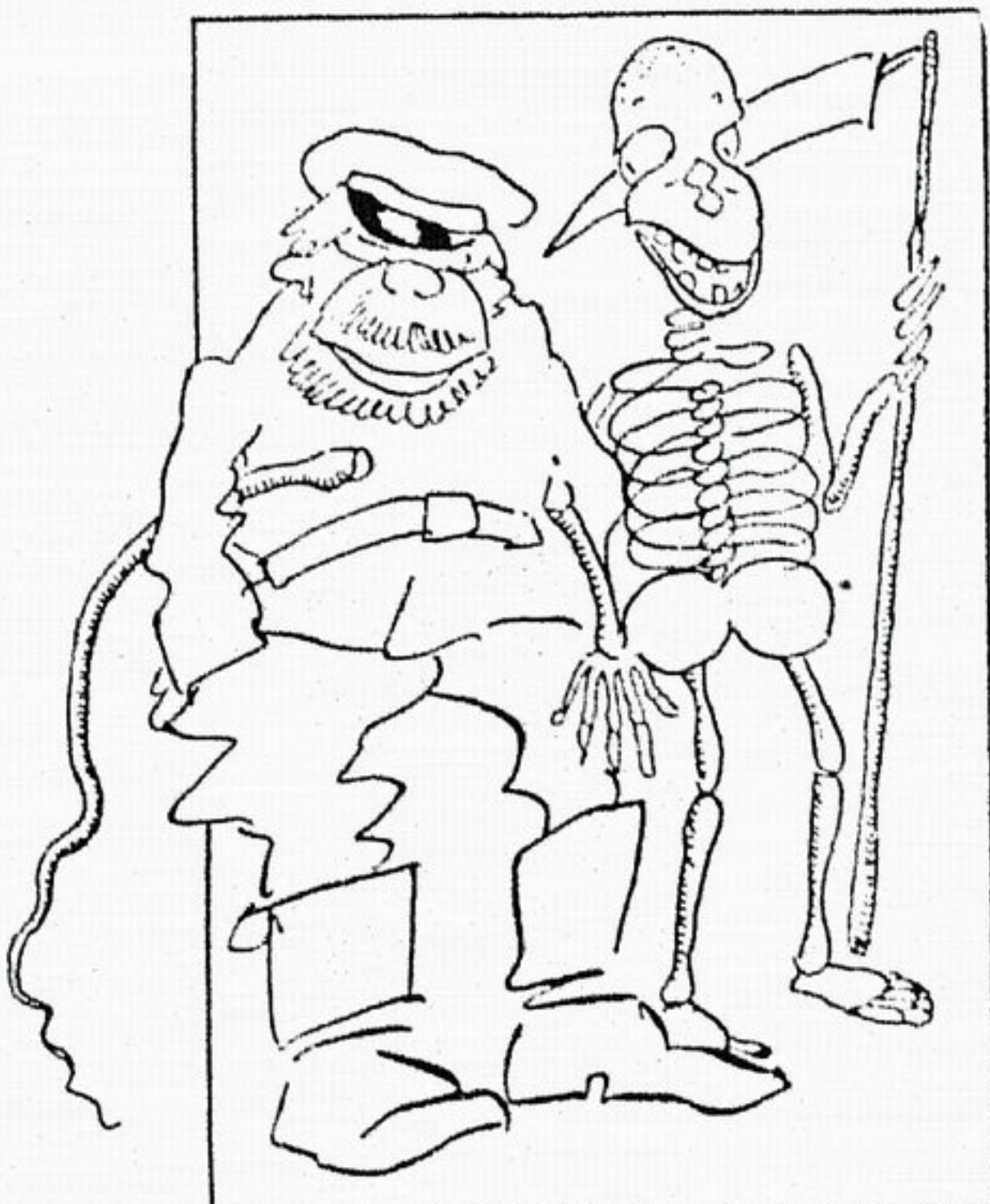

6.

(„Jugend“.)

Къ одесской выставкѣ.

Рис. Юса.

Мѣстные экспонаты, почему то не приняты выставкой.

Типографія Р. К. ЛУБКОВСКАГО

Кіевъ, Б.-Владимирская, 46.

Телефонъ № 5.

ПРИНИМАЕТЪ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЗАКАЗЫ на русскомъ, польскомъ и иностранныхъ языкахъ.

ВЪ КАВКАЗСКОЙ МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДѢ **БОРЖОМЪ** СОДЕРЖАТСЯ ВЪ УДАЧНОМЪ СОЧЕТАНІИ ВСѢ СЛѢДЯЩІЯ ЦѢЛБНЫЯ СИЛЫ УГЛЕКИСЛО-ЩЕЛОЧНЫХЪ ВОДЪ

3218

АЛЬПИНА ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА СИНЯЯ МАРКА и ПОДПИСЬ ГЛ. ПРЕДС. *Александра Демидова* С.П.Б. ГОРОХОВАЯ 33 ВЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕК. МАГАЗ.

5097